

Е.Ю. Фаркова

Ольга Ильинская

Ильинская Ольга Сергеевна — героиня романа И.А. Гончарова «Обломов». Совпадение имени и фамилии героев (Илья Ильич — Ильинская) подчеркивает, что они предназначены друг для друга. Не случайно первое упоминание об Ольге включено в идеальную картину жизни, которую Обломов рисует Штольцу. Он описывает музыку, что будет звучать в его доме: «...Как выплакивает сердце эта женщина! Какая грусть заложена в эти звуки! ...И никто не знает ничего вокруг... Она одна... Тайна тяготит ее; она ввергает ее луне...»

Имя Ольги, ее облик, поступки пронизаны музыкой — она живет в ее ореоле. Не будучи красавицей, Ольга является воплощением артистичности, грации и гармонии. Роста выше среднего, она ходила «с наклоненной немного вперед головой, так стройно, благородно покоившейся на тонкой, гордой, шее; двигалась всем телом ровно, шагая легко, почти неуловимо». Опущенная низко на затылок коса «продолжала и дополняла благородство всей ее фигуры, начиная с головы до плеч и стана».

У Ольги удивительный голос, мягкий, «с нервной дрожью чувства», «чистый, сильный, девический». Во всем ее облике сквозило присутствие говорящей мысли: в тонких и большею частью сжатых губах, «зорком, всегда бодром, ничего не пропускающем взгляде темных, серо-голубых глаз». Особенную красоту серо-голубым глазам Ольги — «умным», «ласковым» — придавали брови: «две русые, пушистые, почти прямые полоски, которые редко лежали симметрично: одна на линию была выше другой, от этого над бровью лежала маленькая складка, в которой как будто что-то говорило, будто там покоилась мысль».

Обломов восхищается внешностью Ольги: «Боже мой, какая она хорошенькая! Бывают же такие на свете! Эта белизна, эти глаза, где, как в пучине, темно и вместе блестит что-то... душа, должно быть! Улыбку можно читать, как книгу; за улыбкой этой зубы и вся голова... как нежно покоится на плечах, точно зыблется, как цветок, дышит ароматом».

Она не ищет общего поклонения, в ней не было лжи, «ничего чужого, а все свое, и это свое так смело, свежо и прочно». Ольга не живет по нормам и правилам света. В отличие от других светских женщин она идет «простым, природным путем жизни». В Ольге нет жеманства, кокетства, лжи, мишуры, умысла. В силу своей природы и здорового воспитания она естественна в проявлении мыслей, чувств, воли. Естественны и все ее жесты, даже малейшие, едва заметные движения глаз, губ, рук.

Ольга одинока. Ее простота и естественность не ценятся в свете. Она говорила «мало, и то свое, неважное — и ее обходили умные и бойкие “кавалеры”; небойкие, напротив, считали ее слишком мудреной и немного боялись». Только Штольц «говорил с ней без умолка и смешил ее».

Упоминание о родителях почти не встречается в романе. Об отце ее известно лишь то, что он увез дочь из родового имения, когда ей было пять лет. Рано осиротевшая девушка тоскует по родительскому благословию, отчему дому, в котором царят тепло и любовь. Ольга с горечью говорит Обломову: «У меня нет матери: она одна могла бы спросить меня, зачем я вижу с тобой, и перед ней одной я заплакала бы в ответ и сказала бы, что я дурного ничего не делаю и ты тоже. Она бы поверила. Кто ж другой?» В момент расставания с Обломовым она просит у матери поддержки: «...Я сейчас долго смотрела на портрет моей матери и, кажется, заняла в ее глазах совета и силы». И в минуты счастья Ольга снова обращается к матери. Когда Штольц делает ей предложение, она кладет «ему

голову на грудь, как матери».

Ольга была наследницей небольшого имения, которое было заложено. Она воспитывалась в доме своей тетки — Марии Михайловны. В отличие от племянницы, та погружена в светскую жизнь, «и оттого такт и осторожность шли у ней впереди каждой мысли, каждого слова и движения». Тетушка всегда ведет себя с достоинством, важно и величественно. Она «всегда в новом шелковом платье, которое сидит на ней отлично, всегда в таких изящных кружевных воротничках, чепец тоже со вкусом сделан, и ленты прибраны кокетливо к ее почти пятидесятилетнему, но еще свежему лицу».

Она умела жить, управлять собой, своими чувствами, «держат в равновесии мысль с намерением, намерение с исполнением». Ни перед кем никогда не открывала «сокровенных движений сердца», никому не поверяла «душевных тайн».

В доме тетушки бывает Штольц. И лишь он «почти один» ценит простоту и естественность Ольги. Штольц и знакомит Обломова с Ольгой, не предполагая, что они могут полюбить друг друга.

Любовь Ольги, как вся ее жизнь, проста и естественна. Она полюбила впервые в свои двадцать лет. В ее глазах «прибавилось света, в движениях грации; грудь ее так пышно развилась, так мерно волновалась». Девушка «как будто слушала курс жизни не по дням, а по часам». В пору любви Ольга начала жить «в своей новой сфере, не возбуждая внимания, без видимых порывов и тревог». В ней заиграли все силы, она увидела то, на что прежде глаза ее были закрыты. В Ольге «развернулись новые стороны ума, новые черты характера». Несмотря на молодость, она понимает, что «первая и главная роль» принадлежит ей, что от Обломова нельзя ждать «никакого движения воли, никакой активной мысли». И она берет на себя роль «путеводной звезды», мечтает, что разольет свет «над стоячим озером и отразится в нем». Объясняясь Обломову в любви, Ольга признается: любовь для нее — жизнь, а жизнь — «долг, обязанность, следовательно, любовь — тоже долг: мне как будто Бог послал ее, — и велел любить». И Ольга надеется, что у нее «достанет сил прожить и пролюбить всю жизнь». В намерениях «разлить свет над стоячим озером» она настойчива и упорна.

У Ольги нет внешней силы, резких приемов и склонностей, зато есть свойственные многим женщинам робость, чувство сострадания, жалость, нежность, мягкость. «Иногда речь ее и сверкнет искрой сарказма, но там блещет такая грация, такой кроткий, милый ум, что всякий с радостью подставит лоб». Однако когда в любви окончилась пора «символических намеков, знаменательных улыбок, сиреневых веток», Ольга «перешла к деспотическому проявлению воли».

Она отважно напомнила Обломову «цель жизни и обязанностей и строго требовала движения, беспрестанно вызывала наружу его ум, то запутывая его в тонкий, жизненный, знакомый ей вопрос, то сама шла к нему с вопросом о чем-нибудь неясном, не доступном ей». Если она замечала «прежние черты в душе Обломова... малейшую усталость, чуть заметную дремоту жизни, на него лились упреки, к которым изредка примешивалась горечь раскаяния, боязнь ошибки».

Ольга видела свое назначение в том, чтобы любить Обломова, и она следовала своей судьбе, училась любви, «пытала ее и всякий новый шаг встречала слезой или улыбкой, вдумывалась в него». В минуты разочарования она думала: «Не любят два раза в жизни, это, говорят, безнравственно».

Она оправдывала свою любовь к Обломову «его кротостью, чистой верой в добро, а пуще всего нежностью, нежностью, какой она не видела никогда в глазах мужчины». «У сердца, когда оно любит, — думала Ольга, — есть свой ум, оно знает, что хочет, и знает наперед, что будет».

После того как Обломов делает ей предложение, Ольга не увлекается его романтическими порывами и мечтами. Она твердит ему, что в любви начинается серьезная практическая жизнь: нужно сходить в палату, засвидетельствовать доверенность, поехать в Обломовку и устраивать свои дела.

Долг и обязанность оказываются губительными для любви, ее романтического пафоса. Когда Обломов придет в отчаяние из-за практической стороны свадьбы (у него нет средств на женитьбу), Ольга получит известие о завершении тяжбы по ее имени. Но она не сообщает об этом Обломову, так как хочет «доследить до конца, как в его ленивой душе любовь совершит переворот, как окончательно спадет с него гнет, как он не устоит перед близким счастьем». Она ждет от Обломова не уверений в любви, а решительности, смелости, готовности жить активно, деятельно. На последнем свидании Ольга признается, что любила будущего Обломова («любила в тебе то, что я хотела, чтоб было в тебе, что указал мне Штольц, что мы выдумали с ним»). В горькие минуты расставания решительность и воля изменяют ей. Ольга устремляется к Обломову, умоляя забыть ее жестокие слова... Однако все уже тщетно.

Первая любовь — любовь к Обломову — стала для Ольги серьезным испытанием. В ней исчезли детскость, наивность, беспечность. Ольга не смотрела на мир так, как прежде, — открыто, светло и покойно: «глаза немного будто впали, и нет детской усмешки на губах, нет наивности, беспечности». Такую увидел Ольгу Штольц через год в Париже. Она обрадовалась ему, глаза «Ольги блеснули светом тихой, не стремительной, но глубокой радости».

Перемены в Ольге поразили Штольца. Раньше она была для него «милым ребенком, подающим большие надежды». В Петербурге Штольц не видел, что Ольга «идет почти одна своей дорогой... идет по новой тропе, по которой ей приходилось пробивать свою колею собственным умом, взглядом, чувством». Ольга многое угадывает и понимает сама, осторожно вглядываясь в жизнь, вслушиваясь в речи и советы Штольца. А тогда он не видел этого, он ждал от нее «много впереди, но далеко впереди, не проча ее себе в подруги». И только за границей, увидев незнакомую и таинственную Ольгу, он отважился углубиться «в лабиринт ее ума, характера и каждый день открывал и изучал все новые черты и факты и все не видел дна, только с удивлением и тревогой следил, как ее ум требует ежедневно насущного хлеба, как душа ее не умолкает, все просит опыта и жизни».

Любовь Ольги к Штольцу была совершенно иной. В первой любви, любви к Обломову, она перенесла «девический период неумения владеть собой, внезапной краской, худо скрытой боли в сердце, лихорадочных признаков любви, первой ее горячки». Ольга не осознавала своего чувства к Штольцу, боролась отчаянно «сама с собой, и не знала, как выйти из хаоса». Ее мучили сомнения: «Опять игра, обман, тонкий расчет, чтоб увлечь его к замужеству и покрыть этим ветреность своего поведения?.. А не игра, не обман, не расчет — так... опять любовь?» Она начинает сомневаться в своей любви к Обломову, даже стыдится своего романа с ним. И в то же время искренне раскаивается «в неблагодарности за глубокую преданность ее прежнего друга».

Ольге нравилось внимание Штольца, «это непрерывное, исполненное ума и страсти поклонение такого человека, как Штольц» нравилось потому, что оно «восстанавливало ее оскорбленное самолюбие». Постепенно Штольц стал «ее разумом и совестью» Перед ним она теряла силу воли и характер, проницательность, умение владеть собой. Помимо ее воли любовь завладевает Ольгой, заполняет всю ее жизнь. Она стала мечтать о счастье «на широкой арене восторженной жизни, со всей ее глубиной, со всеми престестями и скорбями». Ее любовь к Штольцу — чувство зрелое, глубокое. Когда Штольц объясняется Ольге в любви, она волнуется, не может оставаться спокойной и равнодушной; глядит, «как будто моля о пощаде», говорит то с испугом и мольбой, то «с достоинством подавленной обиды и вместе глубокой печали», чуть слышно шепчет, неожиданно возражает и т.д.

Став невестой Штольца, Ольга «испытывала счастье и не могла определить, где границы, что оно такое». Она ощущала лишь то, что оно распростерло широкие крылья и плыло «медленно, как облако в небе над ее головой». Ольга уверовала в Штольца «не слепо, а с сознанием, и в нем воплотился ее идеал мужского совершенства». Она

«веровала в него так, что не признавала между ним и собой другого посредника, другой инстанции, кроме Бога».

В замужестве Ольга счастлива, в ее жизни сбывается девический сон счастья. Она со смирением думает: «За что мне это выпало на долю?» А иногда Ольга даже боится, «не оборвалось бы это счастье», но шли годы, а в доме Ольги и Штольца царили гармония и тишина.